

Я НЕ ТОЛСТАЯ, Я – МАГИНЯ

Романтическое фэнтези о второй попытке

18+

ТАТЬЯНА ЛИВ

Татьяна Лив

Я НЕ ТОЛСТАЯ, Я- МАГИНЯ!

<https://litres.ru/73870086>

SelfPub; 2026

Аннотация

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!! КНИГУ ОТРЕДАКТИРОВАЛА. МАТЕМАТИКУ ПОПРАВИЛА, ДОМИНИКУ ДОБАВИЛА МУЖЕСТВЕННОСТИ. ВСЕМ СПАСИБО ЗА ОБРАТНУЮ СВЗЬ, ВЫ СДЕЛАЛИ КНИГУ ЛУЧШЕ.

Тридцать пять лет. Пятнадцать лет брака. И ни грамма уважения.

Марина всю замужнюю жизнь слышала: «Ты разжирела. Ты никому не нужна». А потом муж изменил, его любовница вытолкнула её из окна и Марина упала в другой мир.

Мир, где её «бесполезные» навыки домохозяйки — это редчайшая бытовая магия. Где «лишний вес» — накопитель магической силы. Где вредный говорящий кот называет её хозяйкой, а надменный лорд-дракон признаёт Истинной Парой.

Теперь у Марины разваливающееся поместье, долг в семьсот крон и тридцать дней до разорения. Ей нужно овладеть магией, спасти дом и решить, готова ли она снова открыть сердце мужчине, чей внутренний зверь выбрал её навсегда.

Она не толстая. Она — магиня. И это только начало.

Романтическое фэнтези о вторых шансах, самопринятии и силе быть собой.

Татьяна Лив Я НЕ ТОЛСТАЯ, Я- МАГИНЯ!

ПРОЛОГ. СУВЕНИРЫ ИЗ ОТПУСКА

Марина Светлова никогда не любила Сочи в августе — слишком много пота, слишком много чужих локтей на пляже, слишком много денег, улетающих в никуда. Но Игорь настоял, причём так мягко и заботливо, что отказать не получилось.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он три недели назад, листая ленту в телефоне и не поднимая на неё глаз. — Ты вся на нервах в последнее время, это заметно. Съезди на море, подыши воздухом, развейся немного.

Тогда это показалось заботой — тёплой, почти забытой, от которой защипало в горле. Сейчас, стоя в прихожей собственной квартиры с чемоданом в одной руке и дурацким магнитом в форме пальмы, засунутым в карман ветровки, Марина понимала совершенно отчётливо: это было не заботой, а отправкой на вынужденную ссылку, чтобы освободить квартиру.

Она сняла туфли — новые, купленные специально для поездки, успевшие натереть кровавые мозоли за пять курортных дней, — поставила их у порога и прислушалась к квартире. Внутри стояла тишина, причём какая-то неправильная, слишком густая для семи вечера субботы. Игорь должен был быть дома, он обещал встретить её, заказать пиццу с грибами и устроить совместный просмотр нового сезона их сериала.

— Игорь? — позвала она негромко, протаскивая чемодан через порог и закрывая за собой входную дверь.

Квартира не отвечала.

Марина прошла на кухню, щёлкнула выключателем и огляделась с нарастающим удивлением. На столе не было ни грязной посуды, ни россыпи пустых пивных бутылок, которые обычно украшали столешницу после его так называемых мальчишников с Серёгой и Лёхой. Раковина пустая, плита протёрта, даже мусорное ведро оказалось вычищенным до дна, словно кто-то специально позаботился о том, чтобы стереть все следы присутствия.

Это было настолько непохоже на Игоря, что по спине пробежал холодок.

Марина двинулась в сторону спальни, и на полпути по коридору услышала то, что заставило её остановиться на месте, словно в грудь ударили кулаком. Сначала тихий смех — женский, звонкий, с переливами, какого в этой квартире никогда раньше не звучало. Потом шорох постельного белья, ленивый и расслабленный. Потом протяжный, откровенный вздох, от которого у Марины перехватило дыхание.

Сердце рухнуло куда-то в район желудка и там застыло, превратившись в тяжёлый ледяной камень.

«Нет, — подумала Марина, вцепившись пальцами в стену коридора. — Нет, этого не может быть, только не после пятнадцати лет вместе, только не в нашей спальне, на нашей кровати.»

Рука сама потянулась к дверной ручке, хотя весь остальной организм кричал развернуться и уйти, не видеть, не знать, сохранить хотя бы иллюзию нормальной жизни. Марина толкнула дверь, и мир, который она выстраивала полтора десятилетия из компромиссов, терпения и веры в то, что всё наладится, рухнул за одну секунду.

На их кровати — на их общей кровати, застеленной бежевым постельным бельём, которое Марина собственноручно стирала и гладила перед отъездом, — лежал Игорь, и он был

не один.

Девушка рядом с ним была молодой, лет двадцати восьми, не больше. Длинные светлые волосы рассыпались по подушке золотистым веером, тонкая загорелая рука лежала на груди Игоря с такой привычной небрежностью, словно делала это уже сотни раз. Она была красивой — той холодной, выверенной красотой, какая смотрит с глянцевых обложек модных журналов: точёные высокие скулы, узкая талия, длинные ноги, ни единого грамма лишнего.

Всё то, чем Марина никогда не была и уже никогда не станет.

Игорь обернулся на звук открывшейся двери, и на его лице за долю секунды промелькнула целая гамма эмоций — сначала удивление, потом мгновенный расчёт, а следом за ним раздражение, откровенное и ничем не прикрытое. Не вина, не стыд, не попытка хотя бы изобразить раскаяние — чистое раздражение от того, что его планы нарушили.

— Марина? Ты что, раньше вернулась? — спросил он таким тоном, будто она была курьером, явившимся не в своё окно доставки.

Она стояла на пороге, вцепившись побелевшими пальца-

ми в дверной косяк, и слова застряли где-то в пересохшем горле, не желая выходить наружу.

— Я писала тебе, — выдавила она наконец голосом, который сама не узнала. — Поезд пришёл в шесть, я отправляла сообщение ещё с вокзала.

Девушка на кровати приподнялась на локте и принялась разглядывать Марину с ленивым любопытством, без малейшего смущения или неловкости, — так разглядывают что-то неожиданное, но не слишком существенное, вроде залетевшей в окно бабочки.

— Это она? — спросила девушка, и в её мелодичном голосе отчётливо послышалась усмешка.

Игорь сел в кровати, провёл пятернёй по растрёпанным волосам и вздохнул с видом человека, которого оторвали от приятного занятия ради какой-то бюрократической формальности.

— Кристина, подожди минуту, я разберусь.

— Кристина? — голос Марины наконец прорезался сквозь ступор, и она услышала в нём незнакомую хрипоту. — Кто такая Кристина, и почему она лежит в моей постели?!

— Марин, успокойся, пожалуйста, — Игорь встал и начал натягивать джинсы с пола, нарочито медленно и буднично, словно они обсуждали просроченный кефир в холодильнике, а не крушение пятнадцатилетнего брака. — Давай поговорим об этом как взрослые люди, без криков и истерик.

— Взрослые люди?! — Марина почувствовала, как что-то внутри неё ломается с отчётливым хрустом, будто лопнула несущая балка, на которой держалось всё здание. — Ты трахаешь другую женщину в нашей с тобой постели и предлагаешь мне поговорить как взрослым людям?!

— Не ори, соседи услышат, — Игорь поморщился и натянул футболку через голову с таким невозмутимым видом, от которого хотелось швырнуть в него чем-нибудь тяжёлым.

— Да пошли они к чёрту, твои соседи! — Марина шагнула в комнату, чувствуя, как руки начинают трястись мелкой противной дрожью. — Сколько это продолжается? Отвечай мне, сколько?!

Повисла пауза, короткая и звенящая, как натянутая до предела струна.

— Полгода, — спокойно и даже как будто с лёгкой гордо-

стью ответила Кристина, поднимаясь с кровати и оборачивая вокруг себя простыню с грациозностью женщины, привыкшей к восхищённым взглядам. — Если тебе так уж важно это знать.

Марина уставилась на неё, потом перевела взгляд на мужа, потом снова на эту чужую молодую женщину, стоящую посреди её спальни так, словно имела на это полное право.

— Полгода, — повторила она тихо, и это «полгода» упало в тишину комнаты как камень в колодезь. — Ты врал мне полгода, каждый день, глядя в глаза за завтраком.

— Марина, ну что ты хотела от меня, если честно? — Игорь подобрал с пола футболку, натянул через голову и посмотрел на неё с выражением усталого терпения, от которого захотелось кричать. — Посмотри на себя трезво, без обид. Ты целыми днями сидишь дома, ничего не делаешь, никуда не ходишь, ни с кем не общаешься. Я пашу на работе, приношу деньги, обеспечиваю нас обоих, а ты что в ответ? Готовишь борщи и протираешь пыль с полок? Это не жизнь, Марина, это какое-то унылое существование, от которого хочется выть на луну.

— Ты сам просил меня уволиться! — голос сорвался на крик, и в глазах всё расплылось от подступивших слёз. —

Четыре года назад ты сам сел напротив меня на этой самой кухне и сказал, что тебе нужна жена, которая будет заботиться о доме, что тебе важен уют и горячий ужин на столе, что мы можем позволить себе жить на одну зарплату!

— Я не просил тебя при этом жиреть, — отрезал Игорь коротко и безжалостно, как скальпелем по живому.

В комнате повисла тишина, настолько плотная, что было слышно, как за окном проехала машина и где-то далеко вни-зу залаяла собака.

Кристина прыснула в кулак, даже не пытаясь скрыть сме-шок, и этот звук ударил сильнее, чем все слова Игоря вместе взятые.

Марина посмотрела на человека, с которым прожила пят-надцать лет бок о бок, с которым мечтала о детях долгими вечерами на этом самом диване, которому отдала свою мо-лодость, карьеру и, по сути, саму себя целиком, до послед-него кусочка.

— Убирайся, — прошептала она, и собственный шёпот показался ей громче любого крика.

— Что ты сказала? — Игорь нахмурился, не понимая.

— Я сказала — УБИРАЙСЯ! — заорала Марина, и сама испугалась силы и хрипоты своего голоса, от которого задрезжал стекло в оконной раме. — Это моя квартира, она досталась мне от моих родителей, и твоего имени нет ни в одном документе на неё! Убирайся отсюда прямо сейчас и заведи с собой эту свою...

— Эту молодую и красивую женщину, — подсказала Кристина с ядовитой улыбкой, роняя простыню на пол и начиная неторопливо одеваться, демонстративно не стесняясь ни на секунду.

Марина отвернулась от этого зрелища, потому что смотреть на идеальное чужое тело рядом с обломками собственного брака было невыносимо.

— Знаешь что, Марина, может, оно и к лучшему, что всё открылось, — голос Игоря сделался холодным и деловитым, словно он подводил итоги квартального отчёта. — Я устал от всего этого, если хочешь знать правду целиком. Устал от твоих борщей и котлет, от твоих бесконечных сериальчиков по вечерам, от того, как ты хлюпаешь носом в подушку по ночам, думая, что я не слышу. Кристина — она совсем другая, понимаешь? Она успешная, она работает над собой, она следит за своей внешностью, она...

— Она шлюха, которая спит с чужим мужем, — выпалила Марина, и слова вылетели раньше, чем она успела их обдумать.

Кристина, уже натянувшая платье, шагнула вперёд, и её красивое лицо исказилось такой яростью, что на секунду стало по-настоящему страшно.

— Повтори, что ты сказала.

— Ты — любовница, которая полгода спала с чужим мужем в чужой квартире на чужом постельном белье, — Марина выпрямилась, хотя колени подкашивались. — Называй это как хочешь, суть от этого не меняется.

Всё, что произошло дальше, уложилось в несколько секунд, которые растянулись в вечность.

Кристина толкнула её — сильно, обеими руками в грудь, с такой неожиданной злобой, что Марина не успела ни увернуться, ни сгруппироваться. Она споткнулась о порожек между комнатами, отшатнулась назад на два шага, потеряла равновесие, и спина с глухим стуком ударилась о что-то твёрдое и острое — подоконник в коридоре, а за подоконником было окно, распахнутое настежь в августовскую духоту.

— Кристина, стой, не надо! — крикнул Игорь откуда-то сбоку, но его голос доносился будто сквозь толщу воды.

Ещё один толчок — короткий, злой, точный — и Марина почувствовала, как её центр тяжести смещается за точку невозврата. Руки отчаянно взмахнули в воздухе, пальцы попытались ухватиться за раму, за подоконник, за что угодно, но под ними оказалась только пустота и горячий августовский воздух.

Ветер рванул волосы вверх, и мир перевернулся.

Четвёртый этаж, — успела подумать Марина, глядя на стремительно приближающийся асфальт двора, расчерченный трещинами и усыпанный жёлтыми пятнами одуванчиков. — Я сейчас умру, вот так глупо и нелепо, из-за мужа-подлеца и его озверевшей любовницы.

Она закрыла глаза, потому что смотреть на приближающуюся землю не было никаких сил.

И мир взорвался ослепительным белым светом, который поглотил всё — страх, боль, звуки, саму реальность.

ГЛАВА 1. САРАЙ КАК НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Первое, что почувствовала Марина, был запах, и этот запах не имел ничего общего ни с асфальтом городского двора, ни с больничной стерильностью, ни с металлическим привкусом крови, который она ожидала ощутить на языке в свои последние секунды.

Пахло сеном — сухим, тёплым, нагретым солнцем. Пахло навозом, но не резко, а как-то привычно и буднично, так пахнут деревенские сараи, в которых живность стоит годами. И ещё пробивалось что-то сладковатое, отдалённо похожее на мёд или луговые цветы, собранные в начале июля.

Она лежала на чём-то мягком и шуршащем, и всё тело болело — тупой, ноющей болью, какая бывает после очень тяжёлой тренировки, когда наутро не можешь поднять руки. Или после падения с четвёртого этажа, если, конечно, после такого падения вообще можно что-то чувствовать.

Я жива? — пронеслось в голове, и сама постановка вопроса показалась настолько абсурдной, что Марина едва не рассмеелась.

Она осторожно пошевелила пальцами на руках — работают, слушаются, сгибаются. Попробовала ноги — тоже на месте, тоже двигаются, хотя левую лодыжку прострелило крат-

ковременной болью. Голова гудела, как колокол после удара, но сознание было ясным, и это казалось совершенно невозможным.

Марина открыла глаза и уставилась в деревянную крышу — покосившуюся, почерневшую от времени, со щелями между досками, сквозь которые пробивались длинные косые лучи солнечного света. Пылинки плавали в этих лучах, золотистые и медленные, как крошечные планеты в собственных маленьких вселенных.

Она села, охнув от боли в рёбрах, и огляделась.

Это был сарай — старый, пропитанный запахами прелой травы и каких-то незнакомых пряных растений, с бревенчатыми стенами, потемневшими от сырости, и утопанным земляным полом. Вокруг громоздились стога сена, ржавые инструменты висели на вбитых в стену крючьях, а из дальнего угла тянуло сквозняком.

— Что за чертовщина... — голос сорвался, потому что горло пересохло настолько, что каждое слово выходило как наждачкой по гортани.

Марина посмотрела на себя и обнаружила, что её джинсы и футболка, в которых она ехала в поезде из Сочи, ку-

да-то исчезли. Вместо привычной одежды на ней было надето какое-то грубое платье из небелёного полотна — серое, мешковатое, с длинными рукавами и подолом до щиколоток. На ногах вместо кроссовок обнаружились кожаные сандалии, явно рассчитанные на ступню размера на два больше её собственного.

— Это сон, — пробормотала Марина, ощупывая грубую ткань платья, будто пытаясь нащупать границу между реальностью и галлюцинацией. — Я просто сплю, или я уже умерла и попала в какой-то деревенский вариант загробного мира.

Она поднялась на ноги, покачнулась и вынуждена была схватиться за балку, чтобы не упасть обратно в сено, потому что голова закружилась так, будто из неё разом вытряхнули половину содержимого.

— Точно умерла и попала в крестьянский ад, — заключила она, оглядывая сарай с нарастающим ощущением нереальности происходящего.

— Не ад, — произнёс голос откуда-то справа и сверху.

Марина подпрыгнула на месте, развернулась так резко, что чуть не вывернула больную лодыжку, и уставилась на ис-

точник звука.

На стоге сена, в полутора метрах от того места, где она только что лежала, сидел кот. На первый взгляд — самый обычный серый кот, каких полно в любом дворе: облезлый, с подранным правым ухом и хвостом, изгрызенным в бесчисленных уличных драках. Он смотрел на неё круглыми жёлтыми глазами, и во взгляде этих глаз было что-то такое, что никак не вязалось с обычным котом, — слишком много понимания, слишком много насмешливого ума.

— Хотя, если быть до конца честным, — продолжил кот, неторопливо облизывая переднюю лапу и разглядывая Марину с выражением снисходительного любопытства, — для некоторых обитателей это место действительно ощущается как ад, только не из-за грешников и адского пламени, а из-за налогов, чудовищной бюрократии и периодических набегов драконов на фермерские угодья. Ты даже не представляешь, сколько здесь бумажной волокиты ради каждой мелочи.

Марина очень медленно опустилась обратно на сено, не сводя глаз с животного.

— Кот разговаривает, — констатировала она вслух тем особенным ровным голосом, каким люди разговаривают сами с собой, когда подозревают, что окончательно тронулись

рассудком. — Серый облезлый кот сидит на стоге сена и разговаривает со мной человеческим голосом.

— Если быть технически точным, — кот поднял голову от лапы и посмотрел на неё с выражением терпеливого преподавателя, объясняющего очевидные вещи особенно непонятливому студенту, — я не разговариваю в привычном тебе смысле этого слова. Я проецирую оформленные мысли напрямую в твой разум, а твой мозг интерпретирует их как звуковую речь, потому что других способов обработки информации у него пока нет. Но для простоты восприятия можем считать, что я говорю, это всех устраивает обычно. Меня зовут Пепел, если тебе интересно.

— Я определённо сошла с ума, — Марина потёрла виски обеими руками, пытаясь унять нарастающую пульсацию в висках. — Падение с четвёртого этажа, удар головой, повреждение мозга, и теперь я лежу в коме на больничной койке и галлюцинирую разговорчивых котов.

— Вполне допускаю, что такая версия кажется тебе более комфортной, — согласился Пепел с интонацией, в которой сочувствие было перемешано с лёгкой иронией. — Падение с большой высоты, эмоциональный шок, предательство мужа, попытка убийства со стороны его любовницы — психика вполне могла бы не выдержать такого количества потря-

сений за один вечер. Но нет, Марина, ты в совершенно здравом уме, и всё это происходит на самом деле. К сожалению для тебя, потому что дальше будет ещё интереснее.

Марина крепко зажмурилась, досчитала до десяти, открыла глаза и посмотрела на стог сена, отчаянно надеясь увидеть пустое место.

Кот всё ещё был там и теперь вылизывал вторую лапу с видом существа, у которого впереди вечность.

— Ладно, — выдохнула она, сдаваясь. — Допустим, я не сошла с ума и всё это не бред повреждённого мозга. Тогда объясни мне — где я нахожусь, как я сюда попала и почему на мне это ужасное платье?

— Территориально ты находишься в хозяйственном сарае на землях поместья Медовый Луг, Северная провинция, Королевство Альтерра, — Пепел зевнул, продемонстрировав впечатляющий набор мелких острых зубов. — Добро пожаловать в другой мир, Марина Светлова, хотя «добро пожаловать» — это, конечно, сильное преувеличение, учитывая обстоятельства.

Она уставилась на него, и в её взгляде медленно проступало осознание, от которого холодело в животе.

— Другой мир, — повторила она, пробуя эти слова на вкус, как что-то незнакомое и потенциально ядовитое. — Как в книгах про попаданцев, которые я читала по вечерам, пока Игорь торчал в телефоне.

— Именно так, только без романтического ореола и кучи удобных совпадений, которые обычно напихивают в такие книжки, — подтвердил Пепел, спрыгивая со стога сена на земляной пол и потягиваясь с хрустом, от которого, казалось, закрипел весь сарай.

— И как именно я попала из московской квартиры в сарай в другом мире?

— Через портал, — Пепел уселся перед ней и обвил хвост вокруг лап. — Межмировой портал открывается раз в триста лет на несколько секунд, не больше, и в этот раз точка выхода оказалась как раз над этим сараем. Ты падала с четвёртого этажа, пролетела через портал вместо того, чтобы встретиться с асфальтом, и приземлилась на стог сена. Учитывая альтернативу, можно сказать, что тебе крупно повезло.

— Повезло?! — Марина вскочила на ноги так резко, что голова снова закружилась, и ей пришлось снова схватиться за балку. — Меня пыталась убить любовница собственного

мужа, я вывалилась из окна четвёртого этажа, и вместо того чтобы нормально разбиться и попасть хотя бы в больницу, я оказалась в другом мире, в каком-то средневековом сарае, в компании говорящего кота, который утверждает, что мне повезло?!

— Ну, альтернативой был асфальт и мгновенная смерть, так что да, с определённой точки зрения тебе действительно повезло больше, чем большинству людей, падающих с такой высоты, — Пепел говорил об этом с невозмутимостью существа, повидавшего на своём веку столько всего, что одним падением из окна его удивить было невозможно.

Марина медленно опустилась обратно на сено, потому что ноги отказывались её держать. Глубокий вдох, задержка дыхания, выдох — она пыталась вспомнить дыхательные техники из какого-то ролика на ютубе, но в голове было пусто, как в выметенном амбаре.

— Допустим, я принимаю всё это за правду, потому что других вариантов у меня всё равно нет, — сказала она наконец, и собственный голос показался ей непривычно спокойным. — Другой мир, портал, магия, говорящие коты — ладно, пусть будет так. Но что дальше, вот что мне действительно нужно понять — могу ли я вернуться домой?

— Портал откроется снова через триста лет, — ответил Пепел, и впервые в его голосе послышалось что-то похожее на подлинное сочувствие, не наигранное и не ироничное.

— Через... триста... лет? — переспросила Марина, и каждое слово вышло отдельным, будто она разучилась складывать их в предложения.

— Триста лет, это стандартный цикл для порталов такого типа, — подтвердил Пепел. — Так что мой совет — устраивайся здесь поудобнее, потому что это теперь твой дом, нравится тебе это или нет.

Марина медленно опустилась спиной на сено, уставившись в щелястый потолок сарая, и почувствовала, как внутри что-то надламывается, но не ломается окончательно, а зависает на грани, как треснувшая ветка, которая ещё держится на последних волокнах.

— Я застряла здесь, — прошептала она в потолок. — Навсегда, по-настоящему навсегда, и никто даже не узнает, что со мной случилось.

— Ну, технически, на триста лет, а не навсегда, но для существа с человеческой продолжительностью жизни, разница, конечно, существенная, — уточнил Пепел.

Марина засмеялась — истерически, со слезами, которые потекли по вискам в сено, щекоча кожу и оставляя горячие мокрые дорожки, и смех этот был похож на рыдания, а рыдания — на смех, и она сама не могла разобрать, где заканчивается одно и начинается другое.

— Это просто великолепно, — выдавила она между всхлипами, вытирая лицо рукавом грубого платья. — Муж изменял мне полгода с какой-то молодой красоткой, эта красотка толкнула меня из окна, я провалилась в другой мир через портал, который открывается раз в триста лет, и теперь валяюсь в сарае, разговариваю с котом и понятия не имею, что делать дальше. Это определённо худший день в моей жизни, хуже просто невозможно придумать.

— На самом деле, может стать ещё хуже, — заметил Пепел, и уши его дёрнулись в сторону двери.

— Каким образом?! — Марина села, вытирая слёзы.

В дверь сарая постучали — три резких, требовательных удара, от которых задребезжали ржавые инструменты на крючьях.

— Вот таким, — вздохнул кот и в одно движение запрыг-

нул ей на плечо, вцепившись когтями в грубую ткань платья.

Дверь распахнулась с протяжным скрипом, и на пороге возник мужчина, при одном взгляде на которого становилось ясно, что он из тех людей, которые получают искреннее удовольствие от чужих неприятностей. Высокий, тощий, как жердь, в чёрном строгом костюме, который выглядел нелепо и одновременно угрожающе рядом с покосившимися стенами деревенского сарая. В левой руке он сжимал кожаный портфель, набитый бумагами, на тонком хрящеватом носу поблёскивали очки в золотой оправе. Лицо у него было вытянутое, с впалыми щеками и губами, сжатыми в такую тонкую линию, словно он всю жизнь практиковался выражать ими максимальное неодобрение.

Мужчина окинул Марину взглядом, в котором презрение было смешано с чиновничьим равнодушием, и произнёс сухим казённым голосом:

— Вы являетесь новой хозяйкой поместья Медовый Луг?

— Я... что? — Марина моргнула, совершенно не понимая, о чём идёт речь.

— Вопрос был предельно простым и не содержал никаких сложностей для понимания, — мужчина достал из портфеля

папку, раскрыл её и принялся сверять что-то в бумагах. — Вы являетесь владелицей данной территории, да или нет?

Марина покосилась на Пепла, надеясь получить хоть какую-то подсказку, но кот предпочёл промолчать, что было подозрительно само по себе.

— Наверное, являюсь? — сказала она осторожно, превращая утверждение в вопрос, потому что соглашаться с чем-то, чего не понимаешь, казалось ей рискованным даже в нормальных обстоятельствах, а уж в таких — тем более.

Мужчина провёл пальцем по строчке в бумагах и зачитал монотонным голосом, каким зачитывают приговоры или показания электросчётчика:

— Марина Светлова, тридцать пять лет, прибыла через межмировой портал три часа и сорок две минуты назад, автоматически получила имущественные права на заброшенное поместье Медовый Луг согласно параграфу третьему Королевского Указа номер четыреста сорок семь о распределении пустующих земель и бесхозной собственности.

— Подождите, подождите, — Марина подняла руку, — вы хотите сказать, что я действительно владею каким-то поместьем? Просто так, потому что свалилась сюда через портал?

— Не «просто так», а в строгом соответствии с действующим законодательством, — мужчина поправил очки с видом оскорблённой бюрократической добродетели. — Вы являетесь владелицей десяти гектаров земельных угодий, жилого особняка площадью пятнадцать комнат, фруктового сада, конюшни на четыре стойла и данного хозяйственного сарая, в котором мы имеем сомнительное удовольствие находиться. Мои поздравления.

Марина открыла рот, чтобы сказать что-то, но не нашла подходящих слов и закрыла его обратно, потому что всё это звучало как очень странная шутка, смысл которой до неё не доходит.

— Однако, — продолжил мужчина, и интонация его голоса сменилась с равнодушной на откровенно злорадную, — имею обязанность поставить вас в известность о том, что на данной территории числится задолженность по земельному налогу за последние двадцать лет в размере пятисот крон, к которой начислена пеня за просрочку в размере двухсот крон, что составляет общую сумму долга в семьсот крон. Срок погашения задолженности — тридцать календарных дней с момента вступления в права собственности, то есть с сегодняшнего числа.

— Семьсот крон? — переспросила Марина, цепляясь за единственное числительное в этом потоке казённого красноречия, потому что всё остальное пролетело мимо ушей. — Что такое кроны и сколько это?

— Если задолженность не будет погашена в установленный срок, — мужчина продолжал как ни в чём не бывало, словно не слышал её вопроса, — имущество подлежит конфискации в пользу королевской казны, а вы, как должник, будете направлены на обязательные исправительные работы сроком на пять лет.

— Но я же только что здесь оказалась! — Марина вскочила. — Буквально три часа назад! Я даже не знаю, где нахожусь!

— Закон един для всех и не предусматривает исключений по причине недостаточной ориентации в пространстве, — мужчина хлопнул папку с сухим щелчком, сунул её обратно в портфель и застегнул замок. — Приятного вам дня, госпожа Светлова.

Он развернулся на каблуках с военной чёткостью и вышел из сарая, не удостоив её прощальным взглядом.

Марина стояла, уставившись в дверной проём, в котором

плясали пылинки, и чувствовала, как последние остатки понимания происходящего уплывают от неё, как осенние листья по течению реки.

— Пепел? — позвала она, не оборачиваясь.

— Слушаю, — отозвался кот с её плеча.

— Объясни мне наконец, что такое кроны и сколько стоят семьсот штук.

— Крона — это основная денежная единица Королевства Альтерра, — Пепел почесал за ухом задней лапой, умудрившись при этом не свалиться с плеча. — Если переводить на понятные тебе величины, одна крона — это примерно недельный заработок простого работника. Фермер вроде здешних за месяц получает четыре-пять крон, ремесленник в городе — чуть побольше, торговец средней руки — ещё больше, но идею ты, думаю, уловила.

Марина быстро посчитала в уме, и результат подсчёта заставил её схватиться за дверной косяк.

— Семьсот недельных зарплат — это получается... почти четырнадцать лет непрерывной работы обычного человека?!

— Если работать как обычный человек, без выходных и праздников, откладывая каждую заработанную монету и не тратя ни гроша на еду и жильё, то примерно так и выходит, — подтвердил Пепел тоном, каким сообщают прогноз погоды: объективно и без лишних эмоций. — Но ты не обычный человек, и в этом весь фокус.

— В каком смысле «не обычный»?! — Марина отцепилась от косяка и повернулась к коту. — Я самый обычный человек из всех существующих! Я домохозяйка из Москвы, которая пятнадцать лет варила борщи и гладила рубашки!

— Ты магиня, — поправил Пепел с такой обыденностью, словно сообщал ей, что она блондинка или правша. — Точнее, ты потенциально один из сильнейших бытовых магов, которых этот мир видел за последнее столетие, а может быть, и дольше.

Марина уставилась на него с выражением человека, которому только что сообщили, что он — потомок инопланетной расы.

— Бытовой маг, — повторила она медленно, пробуя незнакомые слова. — Это что значит?

Пепел спрыгнул с её плеча на перевёрнутое ведро, устро-

ился поудобнее и посмотрел на неё снизу вверх с выражением кота, который собирается произнести длинную речь и заранее устал от необходимости разжёвывать очевидные вещи.

— В этом мире существует магия, и она у каждого разная: боевая, целительная, стихийная, ментальная — десятки разновидностей. У тебя — бытовая, самая редкая и одновременно самая ценная из всех. Ты можешь чинить сломанные вещи, очищать загрязнённое, восстанавливать разрушенное, готовить еду с магическими свойствами, управлять домашним пространством на уровне, совершенно недоступном обычным смертным. По всему королевству наберётся от силы два десятка бытовых магов, а спрос на их услуги превышает предложение в сотни раз, поэтому даже простая починка стоит столько, сколько обычный работник зарабатывает за неделю или две. За сложную работу платят как за месяцы тяжёлого труда.

— Я — домохозяйка с магическими способностями, — Марина не знала, смеяться ей или плакать. — Пятнадцать лет Игорь говорил, что я ничего не умею, кроме как мыть полы и варить суп, а оказывается, что именно это и есть самая ценная магия в целом мире.

— Можно сказать и так, — Пепел дёрнул подранным ухом. — Ты можешь стать величайшим бытовым магом сво-

его поколения, если, конечно, не сдашься раньше, чем попробуешь.

Марина посмотрела на свои руки — обычные руки, с короткими ногтями, с мозолью от ножа на указательном пальце, с тонким шрамом на большом пальце левой руки, оставшимся после того, как она порезалась, открывая консервную банку три года назад. Обыкновенные руки обыкновенной женщины.

Потом она посмотрела на разваливающийся сарай вокруг себя, на дверь, за которой был целый чужой мир, полный незнакомых правил и непонятных опасностей.

А потом вспомнила Игоря — его брезгливый взгляд, его слова, сказанные при Кристине с такой лёгкостью, словно они ничего не стоили: «Ты ничего не делаешь, ты целыми днями сидишь дома, ты просто жиреешь».

Что-то внутри неё щёлкнуло — не сломалось, а наоборот, встало на место, как шестерёнка в механизме, который долго стоял без движения и вдруг заработал.

— Хорошо, — сказала Марина, и голос её звучал тихо, но в этой тишине была та особенная твёрдость, которая бывает прочнее любого крика.

— Что «хорошо»? — переспросил Пепел, наострив уши.

— Я сказала — хорошо, — Марина выпрямила спину и расправила плечи, и что-то в её лице изменилось, будто из-за облаков вышло солнце. — Раз уж я застряла в этом мире, раз мне свалилось на голову поместье с чудовищным долгом и месяц на его выплату, и раз я, чёрт возьми, оказалась какой-то магией с редким даром — я не собираюсь сидеть в этом сарае и жалеть себя. Я уже достаточно себя жалела, хватит на две жизни вперёд.

Пепел медленно заурчал, и в этом негромком вибрирующем звуке слышалось одобрение.

— Вот это мне уже нравится гораздо больше, чем слёзы.

— Сколько у нас времени до конца срока?

— Тридцать дней, начиная с сегодняшнего.

— Тогда нечего терять время на разговоры в сарае, — Марина шагнула к двери, и шаг этот был твёрдым и уверенным, несмотря на то что ноги всё ещё побаливали. — Ты говорил, что у меня есть особняк в пятнадцать комнат — где он находится и как туда пройти?

Кот прыгнул с ведра на пол, потрусил к выходу, обернулся через плечо и посмотрел на неё с выражением, которое при большом желании можно было принять за уважение.

— За мной, хозяйка, тут идти минут пять через сад, вернее, через то, что когда-то было садом, а теперь больше напоминает непролазные джунгли.

— И не называй меня хозяйкой, — Марина переступила порог сарая и впервые за этот безумный день ощутила на лице тёплый ветер чужого мира. — Просто Марина, этого достаточно.

— Как скажешь, Марина, — Пепел потрусил по заросшей тропинке вперёд, помахивая изгрызенным хвостом. — А теперь пойдём наверх, покажу тебе дом и поможем выбрать спальню, в которой крыша не протекает.

— Крыша протекает?! — Марина поспешила следом.

— Не везде, не волнуйся, — кот обернулся с невинным видом. — В трёх спальнях из пяти совершенно сухо, я лично проверял, когда дожди шли на прошлой неделе.

Марина тяжело вздохнула, но не остановилась и не замед-

лила шаг, потому что останавливаться было нельзя — если остановишься, начнёшь думать, а если начнёшь думать, то сядешь прямо на тропинке посреди заросшего сада и будешь сидеть, пока не кончатся тридцать дней и не придут стражники, чтобы увести на каторгу.

Но она улыбалась, и это была первая настоящая улыбка за весь этот день, начавшийся в поезде из Сочи и закончившийся в другом мире.

ГЛАВА 2. РЕВИЗИЯ РАЗРУХИ

Особняк оказался в гораздо худшем состоянии, чем Марина могла себе представить даже в самых пессимистичных фантазиях.

Пепел уверенно вёл её через безнадёжно заросший сад, где когда-то, судя по сохранившейся планировке, ровными рядами цвели декоративные растения и полезные травы, а теперь буйствовали агрессивные сорняки высотой выше колена. Каменная дорожка, ведущая к парадному входу, давно потрескалась, и выбитые из земли плитки торчали под самыми немыслимыми углами, напоминая кривые зубы в усмешке старого тролля.

— Предупреждаю сразу, чтобы избежать лишних обмороков и истерик, — бросил кот через плечо, грациозно перепрыгивая через особенно широкую трещину в камне. — По-

сле смерти предыдущей хозяйки прошло добрых двадцать лет, и за всё это время здесь никто даже пальцем не пошевелил ради уборки.

— Двадцать лет абсолютного запустения? — Марина осторожно перешагнула через поваленный ствол какого-то кустарника. — И что, местные налоговики вроде этого Гербера просто сидели и смотрели, как копится долг, вместо того чтобы передать дом кому-то другому?

— Естественно, ведь королевская казна не прощает задолженностей, а магия этого места не пускала сюда чужаков без должного дара, — равнодушно пояснил Пепел.

Они вышли на небольшую вымощенную площадку, и Марина невольно замерла, запрокинув голову.

Трёхэтажный особняк с изящной башенкой на крыше и широкими стрельчатыми окнами возвышался перед ней монументальной, но печальной громадой. Наверняка когда-то он был потрясающе красивым: остатки резных наличников, просторные балконы с коваными решётками сложного плетения и парадное крыльцо с каменными колоннами ясно говорили о былом великолепии. Но это было в далёком прошлом. Сейчас половина окон сияла выбитыми стёклами или была наглухо заколочена почерневшими досками, штукатурка осыпалась с фасада целыми пластами, обнажая выветренную кирпичную кладку, а дикий плющ оплёл стены настолько плотно, что местами полностью скрывал под собой камень.

— И вот эти живописные руины теперь официально принадлежат мне? — Марина сглотнула подступивший к горлу ком, разглядывая провалившуюся в нескольких местах крышу.

— Мои искренние поздравления, теперь ты полноправная владелица настоящей катастрофы, — Пепел запрыгнул на нижнюю ступеньку крыльца и махнул хвостом в сторону входа. — Пойдём внутрь, там тебя ждёт ещё больше интересных открытий.

Марина поднялась на крыльцо, стараясь ступать как можно осторожнее, потому что прогнившие доски угрожающе скрипели и прогибались под её весом. Массивная входная дверь печально висела на одной заржавевшей петле, грозя обрушиться в любой момент. Толкнув её обеими руками, Марина поморщилась от протяжного скрипа и шагнула в густой полумрак.

Внутри пахло вьёвшейся сыростью, старой древесиной и густой плесенью. Стоило Марине сделать первый неосторожный шаг, как в воздух поднялось целое облако серой пыли, заставившее её судорожно расчихаться.

Когда глаза наконец привыкли к тусклому освещению, пробивающемуся сквозь грязные окна, Марина смогла осмотреться. Огромный холл с высокими потолками когда-то явно поражал роскошью, но сейчас представлял собой жалкое зрелище. Широкая парадная лестница, ведущая на второй этаж, была покрыта слоем грязи, разбитая хрусталь-

ная люстра сиротливо валялась на полу среди осколков, а отставшие обои свисали со стен длинными печальными лохмотьями, переплетаясь с густой паутиной.

Она медленно прошла в первую комнату справа, которая оказалась бывшей гостиной. Вся немногочисленная мебель была накрыта защитными чехлами, под которыми ткань давно сгнила, а дерево рассохлось и превратилось в труху. Следующей комнатой оказалась просторная столовая с длинным дубовым столом, покосившимся из-за отломанной ножки, и разбросанными по полу стульями.

Но настоящим испытанием для нервов стала кухня.

Марина остановилась на пороге, не решаясь сделать шаг внутрь. Если остальные помещения выглядели просто заброшенными, то здесь словно прошёл локальный ураган. Огромная каменная печь почернела от многолетней копоти, навесные полки были сорваны со стен вместе с креплениями, а продырявленные горшки и ржавые сковородки валялись по всему каменному полу. На широкой рабочей столешнице колосилось нечто настолько пугающее и мохнатое, что Марина предпочла даже не пытаться угадывать его биологическое происхождение.

— Ну как тебе экскурсия? — поинтересовался Пепел, ловко запрыгивая на относительно чистый подоконник. — Впечатляет масштаб работы?

— Это не просто масштаб, это абсолютная катастрофа, — Марина провела пальцем по краю дверного косяка, брезгли-

во стирая липкую чёрную грязь. — Чтобы привести этот дом в приличный вид, не хватит и целого года ежедневной уборки, не говоря уже о тридцати днях.

— За месяц вручную ты не отчистишь даже эту кухню, тут я с тобой совершенно согласен, — кот спокойно принялся умываться. — Но весь смысл в том, что тебе не придётся делать это вручную тряпкой и шваброй.

— Ты имеешь в виду ту самую бытовую магию, о которой говорил в сарае? — Марина посмотрела на свои ладони, не чувствуя в них абсолютно ничего сверхъестественного.

— Именно её, так что почему бы тебе не попробовать прямо сейчас?

— Я понятия не имею, с какой стороны к этому подойти и какие заклинания нужно читать.

— Никаких заклинаний не нужно, магия этого мира работает на интуиции и твоей жизненной силе, — Пепел оторвался от умывания и посмотрел на неё жёлтыми глазами. — Просто представь, каким ты хочешь видеть это помещение. Сконцентрируйся на результате, почувствуй своё желание навести порядок, и пусть оно вырвется наружу.

Марина снова обвела взглядом этот памятник разрухе и запустению. Ей вспомнилась её московская квартира — всегда идеально чистая, сияющая свежестью, где каждая вещь лежала на своём месте благодаря её ежедневному, невиди-

мому для Игоря труду. Пятнадцать лет она создавала уют, пятнадцать лет вкладывала душу в каждый вымытый угол.

«Ты ничего не делаешь, это не жизнь, а существование», — ядовитым эхом прозвучали в голове слова бывшего мужа.

Марина непроизвольно сжала руки в кулаки, чувствуя, как где-то в районе солнечного сплетения зарождается горячий, пульсирующий комок чистой злости.

— Ничего не делаю, значит? — прошептала она сквозь стиснутые зубы. — Ну хорошо. Я покажу вам всем, на что способна женщина, которой нечего терять.

Она подняла руки перед собой ладонями вперёд, словно пытаясь оттолкнуть от себя всю эту вековую грязь. Горячий комок в груди внезапно развернулся, разливаясь по венам обжигающей волной, которая устремилась к кончикам пальцев.

Из её ладоней хлынул ослепительный золотой свет, плотный и густой, как растопленный мёд. Марина вскрикнула от неожиданности, но инстинктивно поняла, что останавливаться нельзя, иначе эта рвущаяся наружу энергия разорвёт её саму.

Золотое сияние затопило кухню, оmyвая стены и пол. Грязь и многолетняя плесень не просто отмывались — они испарялись, растворяясь в этом свете без следа. Ржавые дырявые сковородки внезапно оторвались от пола, закружились в воздухе, и на глазах у изумлённой Марины ржавчина осыпалась с них серебристой пылью, а прорехи в металле за-

тянулись, словно живая ткань. Сдранные полки сами собой взмыли к стенам, намертво прирастая к камню, а чёрная копоть сошла с печи, обнажив чистый красный кирпич.

Марина чувствовала, как вместе с этим очищающим светом из неё уходит какая-то глубинная энергия, но удивительным образом её тело, которое она всегда считала слишком грузным и неповоротливым, оказалось способно генерировать эту силу в невероятных объёмах.

— Достаточно, прекращай немедленно! — требовательный крик Пепла прорвался сквозь гул магии в ушах. — Остановись, пока не выжгла себя до дна!

Марина резко опустила руки и разжала кулаки. Золотой свет мгновенно погас, втянувшись обратно под её кожу. Колени предательски подогнулись, и ей пришлось опереться о ближайший стол, тяжело и загнанно дыша, пока перед глазами плясали цветные пятна.

Когда зрение сфокусировалось, она не смогла сдержать изумлённого вздоха. Кухня сияла первозданной чистотой, словно её только что отстроили лучшие мастера королевства. Каменные плиты пола блестели, медная посуда отражала солнечный свет, а в воздухе вместо тяжелой плесени витал свежий аромат луговых трав и чистого белья.

— Неужели это действительно сделала я? — голос Марины дрожал от пережитого потрясения и невероятной усталости, навалившейся на плечи свинцовой тяжестью.

— Ты, причём с невероятным размахом, — кот прыгнул

с подоконника и обошёл вокруг неё, оценивающе принявшись. — Магия сырая, совершенно неконтролируемая, но мощь в тебе скрыта просто чудовищная. Бытовая магия черпает силу из жизненной энергии мага, из его физического тела. Чем больше в тебе жизненных соков, тем дольше ты можешь колдовать, но сейчас ты с непривычки выложились почти полностью. Начинай с одной комнаты в день, иначе в первую же неделю заработаешь истощение, от которого не справишься.

Марина тяжело опустилась на чудом уцелевший деревянный стул, пытаясь унять дрожь в руках.

— Сколько всего помещений в этом гигантском доме?

— Пятнадцать жилых комнат, плюс просторные коридоры, парадный холл, подвальные помещения и чердак, — охотно перечислил Пепел.

— У меня всего тридцать дней до конфискации и каторги, — Марина прикрыла уставшие глаза. — Если я буду приводить в порядок по одной комнате в день, я физически не успею закончить ремонт, не говоря уже о зарплате семисот крон.

— Поверь мне, успеешь, — успокоил её кот. — Магические каналы работают как мышцы: чем чаще ты их тренируешь, тем шире они становятся и тем меньше сил ты тратишь на простые заклинания.

— Значит, мне предстоит магическая качалка с полным погружением, — Марина криво усмехнулась, поднимаясь со

стула. Ноги всё ещё дрожали, но упрямство не позволяло сдаться. — А что насчёт соседей? У меня тут есть кто-нибудь поблизости?

— Разумеется. С западной стороны твои земли вплотную граничат с владениями лорда Доминика Эшфорда.

— Местного барона или графа? — уточнила Марина, подходя к сверкающему чистотой окну и вглядываясь в заросшие просторы.

— Бери выше. Это лорд-дракон, один из семи Драконьих Повелителей, управляющих этим королевством, — Пепел лениво почесал за ухом. — Существо невероятно богатое, обладающее колоссальной властью, и, по слухам, весьма нетерпимое к тем, кто нарушает его покой. Настоящий хищник, которому уже перевалило за триста лет, и который умеет принимать как человеческую, так и боевую чешуйчатую форму.

— Трёхсотлетний дракон в соседях, — Марина обречённо потеряла переносицу. — Прекрасно, просто предел мечтаний для одинокой женщины. Надеюсь, он не питается заезжими домохозяйками?

— Он презирует простолюдинов и терпеть не может суеты на своих границах. Мой тебе настоятельный совет — держись от него как можно дальше, потому что для него мы с тобой — пустое место, не заслуживающее даже взгляда.

— Можешь не сомневаться, я совершенно не горю желанием знакомиться с высокомерными чешуйчатыми аристо-

кратами, — твёрдо ответила Марина, отворачиваясь от окна. — У нас есть проблемы поважнее. Где здесь находится кладовая? Мне нужно выяснить, есть ли в этом доме хоть крошка еды, потому что я умираю от голода.

Кладовая обнаружилась за неприметной дверью рядом с печью, но, как и следовало ожидать, на её крепких полках не оказалось ничего, кроме многолетней пыли и засохших мышинных экскрементов.

— Никаких запасов, никаких денег, ни малейшего понимания местных реалий, — констатировала Марина, прислонившись плечом к дверному косяку. — Какой у нас план действий?

— У тебя есть десять гектаров плодородной земли, — Пепел кивнул в сторону заднего двора. — Раньше поместье славилось выращиванием редких магических трав и овощей. Твоя бытовая магия способна ускорить рост растений в десятки раз, так что ты сможешь собирать урожай почти мгновенно.

— Выращивать морковь — это замечательно, но мне нужны живые деньги, причём очень много и очень быстро. Семьсот крон — это гигантская сумма.

— Тогда тебе придётся продавать свои услуги, — Пепел запрыгнул на кухонный стол. — Бытовых магов ничтожно мало. Люди готовы платить серьёзные деньги за качественную починку фамильных артефактов, очистку сложных проклятий с домов или восстановление редких вещей. Тебе нуж-

но отправиться в ближайшую деревню и предложить свою помощь.

— И где находится эта деревня?

— Три мили на восток по тракту, поселение называется Ясная Поляна, — ответил кот. — Там держит таверну одна толковая ведьма по имени Элиза Кроуфорд. Она женщина деловая, знает всех в округе и вполне может свести тебя с первыми клиентами, если ты покажешь ей, на что способна.

Марина глубоко вздохнула, расправляя затёкшие плечи. Усталость давила тяжёлым грузом, но внутри вместо привычной апатии разгоралось упрямое, злое желание доказать всему миру свою состоятельность.

— Отличный план. Сегодня я отдохну и выберу нам спальню с целой крышей, а завтра утром отправлюсь в эту Ясную Поляну искать работу. Посмотрим, сколько стоят мои умения на местном рынке.

Пепел довольно сощурил жёлтые глаза.

— У тебя правильный настрой, Марина. А теперь пойдём наверх, я покажу тебе комнату, где кровать хотя бы не разваливается на куски при одном взгляде на неё.

ГЛАВА 3. ПЬЯНЫЙ ЕДИНОРОГ

Пробуждение оказалось далёким от идеального, в первую очередь потому, что Марина почувствовала на своей груди нечто тяжёлое и горячее, мешающее нормально дышать. С

трудом разлепив веки, она уткнулась взглядом прямо в жёлтые кошачьи зрачки, находившиеся в паре сантиметров от её носа.

— Доброе утро, новоиспечённая землевладелица, — мысленно произнёс Пепел, не сдвинувшись ни на миллиметр. — Вынужден сообщить, что ты довольно громко храпишь во сне.

— Я никогда в жизни не храпела, это просто глубокое дыхание из-за переутомления, — Марина скинула кота на соседнюю подушку и попыталась сесть, но тут же глухо застонала, потому что каждая мышца в теле отозвалась острой, протреливающей болью, словно накануне её долго и методично избивали палками.

— Классическое магическое истощение в чистом виде, — философски пояснил Пепел, принимаясь за утреннее умывание. — Вчера ты пропустила через свои неподготовленные каналы слишком много сырой энергии, и теперь организм требует восстановления. Солнце уже высоко, ты проспала добрую половину дня, но это пойдёт тебе только на пользу.

Марина с трудом спустила ноги с высокой кровати и оглядела спальню, которую они выбрали вчера вечером. Комната была на удивление просторной и светлой, с массивным комодом и огромным зеркалом в потускневшей раме, но убирать её магией Пепел вчера категорически запретил, пригрозив,

что иначе она впадёт в кому прямо на грязном ковре.

Спустившись во двор к старому каменному колодцу, Марина вытащила ведро ледяной чистой воды и с наслаждением умылась, чувствуя, как холод прогоняет остатки сна и тумана из головы. Вернувшись в спальню, она открыла ящики старого комода в поисках чего-то более подходящего, чем колючее мешковатое платье, в котором она появилась в этом мире.

Предыдущая владелица особняка явно обладала схожей комплекцией, потому что найденное тёмно-зелёное платье из плотной, добротной ткани село на Марину почти идеально. Оно мягко обхватило полную грудь, подчеркнуло линию талии и свободно спустилось к щиколоткам, позволяя двигаться легко и уверенно. Взглянув в мутное зеркало, Марина с удивлением отметила, что тёмно-зелёный цвет делает её карие глаза ярче, а в осанке появилась какая-то новая, незнакомая твёрдость.

— Выглядишь вполне прилично для визита в деревню, — одобрил Пепел, наблюдая за ней с подоконника. — Я с тобой не пойду, мне нужно обойти границы нашей территории и объяснить местным мышам, что у поместья сменилась власть. Постарайся не ввязываться в неприятности.

— Постараюсь просто найти еду и работу, — Марина подхватила старую плетёную корзину, найденную на кухне, и решительно зашагала к выходу.

Дорога до Ясной Поляны заняла около часа и оказалась

на удивление приятной. Тёплое утреннее солнце согревало плечи, вдоль обочин колосились незнакомые травы с яркими синими цветами, а вдалеке паслись крупные животные, отдалённо напоминающие коров, но с густой шерстью и витыми рогами.

Сама деревня предстала перед ней добротным, зажиточным поселением с широкими мощёными улицами, крепкими каменными домами и просторной центральной площадью. Самым заметным зданием на площади была двухэтажная постройка с массивным крыльцом и скрипучей деревянной вывеской, на которой неизвестный, но старательный художник изобразил розового единорога, крепко сжимающего копытом огромную кружку с пенящимся пивом.

Толкнув тяжёлую дверь «Пьяного единорога», Марина окунулась в густые запахи жареного мяса, свежего хлеба и пряных трав. В просторном зале было немногочленно, а за длинной дубовой стойкой орудовала полотенцем статная, полногрудая женщина лет сорока пяти с копной непокорных рыжих кудрей и весёлыми зелёными глазами, вокруг которых собрались лучики морщинок.

— Добро пожаловать, путница! — женщина отложила полотенце и широко улыбнулась, окинув Марину цепким, оценивающим взглядом. — Я Элиза Кроуфорд, хозяйка этого скромного, но крайне душевного заведения. Желаешь эля с дороги или травяного отвара?

— Доброе утро, Элиза, — Марина подошла к стойке, стараясь держаться уверенно. — Если честно, я бы с удовольствием поела, но у меня пока нет при себе местных денег. Я могла бы отработать обед или оставить что-нибудь в залог.

Элиза хмыкнула, упёрла руки в пышные бока и прищурилась.

— Дай-ка я угадаю, милая. Ты та самая новая владелица Медового Луга, которая вчера буквально свалилась нам на голову из закрытого портала? Можешь не удивляться, наш драгоценный налоговый Гербер ещё вчера вечером выпил тут две кружки пива и растрепал всей деревне, что поместье досталось какой-то растерянной чужачке, которая вряд ли протянет тут и неделю, прежде чем отправится на каторгу за долги.

Марина почувствовала, как щёки вспыхивают от гнева, но заставила себя глубоко вдохнуть.

— Гербер слишком много говорит о вещах, в которых ничего не понимает.

— Абсолютно с тобой согласна, этот сухарь вечно суёт свой длинный нос не в свои дела, — Элиза добродушно рассмеелась и махнула рукой. — Присаживайся за стол, сейчас я принесу тебе лучшей похлёбки с говядиной, а про оплату поговорим потом. Считай это моим приветственным жестом для новой соседки.

Через пару минут перед Мариной дымилась огромная глубокая тарелка густого, невероятно ароматного супа, рядом

лежал ломоть свежее испечённого хлеба и увесистый кусок домашнего сыра. Она ела молча и сосредоточенно, чувствуя, как с каждой ложкой силы возвращаются в уставшее тело, а магия внутри успокаивается и растекается мягким теплом.

Когда тарелка опустела, Элиза присела напротив, подперев щеку кулаком.

— Спасибо огромное, это было потрясающе вкусно, — Марина искренне улыбнулась. — Но я всё равно в долгу не останусь. Пепел... мой кот сказал, что я могу предложить здесь свои услуги.

— Вот об этом я и хотела поговорить, — Элиза понизила голос и наклонилась ближе через стол. — Гербер болтал, что портал просто так не открывается. Медовый Луг простоял пустым двадцать лет, потому что его магия требовала присутствия истинного бытового мага. И раз портал затянул именно тебя, значит, у тебя есть редкий дар. Это правда?

— Правда. Вчера я случайно восстановила разрушенную кухню в особняке практически до идеального состояния, — Марина не стала скрывать свои способности, понимая, что сейчас это её единственный козырь.

Глаза Элизы восхищённо округлились.

— Восстановила кухню за один раз? Девочка моя, да ты просто ходячее сокровище! Если у тебя такая силища, у меня для тебя есть идеальное тестовое задание.

Хозяйка таверны стремительно поднялась, скрылась на кухне и через минуту с натугой вытащила в зал тяжёлый

чугунный котёл, днище которого пересекала глубокая, рваная трещина. Вокруг трещины воздух едва заметно мерцал, словно над раскалённым асфальтом.

— Этот котёл достался мне ещё от прабабки, в нём получалось лучшее мясное рагу на сто миль вокруг. Пару лет назад я его уронила, и металл треснул. Местные кузнецы разводят руками — трещина магическая, обычным молотом её не заклепать, тут нужна тонкая работа бытовика, чтобы восстановить саму структуру металла. Справишься?

Марина подошла к стойке и положила ладони на холодный чугун. Она закрыла глаза, мысленно возвращаясь к тому состоянию, которое испытала вчера в руинах своей кухни. Но в этот раз она не позволяла злости управлять собой. Она представила, как металл котла был целым, гладким и надёжным. Тепло привычно зародилось в груди, но теперь Марина контролировала его, направляя по рукам не бурной рекой, а тонким, точным золотистым ручейком.

Свет мягко окутал трещину, проникая в самую суть металла. Края разлома дрогнули, раскалились до золотого свечения и начали медленно, плавно стягиваться, срастаясь без единого шва. Магическое искажение воздуха рассеялось, и Марина убрала руки, чувствуя лишь лёгкую слабость вместо вчерашнего изматывающего истощения.

Элиза схватила котёл, поднесла его к свету из окна, провела пальцами по идеально гладкому днищу и восторженно

охнула.

— Да это же безупречная работа! Ни единого рубца, магия легла как родная! — она бережно опустила чугунок на пол и полезла в глубокий карман своего фартука. — Держи, милая, ты заработала каждую монету.

Она выложила на стойку две тяжёлые золотые монеты, тускло блеснувшие в полумраке таверны. Марина осторожно взяла их, чувствуя приятную тяжесть прохладного металла.

— Две кроны, — произнесла Элиза с уважением. — Для обычного батрака в поле это заработок за полторы-две недели непрерывного махания вилами. Сумма немалая, но для настоящего бытового мага, которых на всё королевство наберётся пара десятков, это сущие копейки. Если бы я повезла этот котёл к столичному мастеру, с меня бы содрали все десять крон, да ещё и заставили бы ждать месяц в очереди. Так что мы обе в огромном плюсе.

Марина сжала монеты в кулаке. Две кроны — заработок за две недели обычного человека, полученный за пять минут концентрации. Если расценки на магические услуги действительно так высоки, то чудовищный долг в семьсот крон — эквивалент почти тринадцати лет обычного крестьянского труда — больше не казался ей непреодолимым смертным приговором. Она могла это сделать. Она действительно могла выкупить свою свободу и свой новый дом.

— Мне нужно заработать семьсот крон за месяц, чтобы отдать долг короне, — твёрдо сказала Марина, глядя Элизе

в глаза. — Мне нужны клиенты. Много клиентов.

Элиза уважительно присвистнула, оценив масштаб задачи, но в её глазах не было жалости — только деловой азарт.

— Семьсот крон за месяц — это заявка на легенду, девочка. Но с твоим талантом это возможно. Я пушу слух по всей деревне и среди проезжих торговцев, что в Медовом Лугу поселилась мастерица с золотыми руками. Люди пойдут, у каждого в доме есть сломанные фамильные артефакты или проклятые вещи, которые некому починить. А через пять дней у нас в деревне будет проходить большая осенняя ярмарка. Туда съедется народ со всей провинции. Если поставишь там свою палатку и покажешь пару фокусов прямо на публике — озолотишься.

— Я буду готова, — Марина спрятала монеты в карман платья, чувствуя, как уверенность вытесняет последние капли страха. — Спасибо тебе, Элиза. За еду, за работу и за веру.

— Не за что благодарить, мы, сильные женщины, должны держаться вместе, — Элиза тепло улыбнулась, но затем её лицо стало предельно серьёзным. — И ещё кое-что, Марина. Раз уж ты теперь полноправная соседка, я обязана тебя предупредить. Твои земли граничат с территорией лорда Доминика Эшфорда.

— Пепел упоминал его. Говорил, что он лорд-дракон и лучше держаться от него подальше.

— Твой кот чертовски прав, — Элиза понизила голос,

словно боясь, что стены могут подслушивать. — Лорд Эшфорд — не из тех аристократов, с которыми можно договориться за чашкой чая. Он древний хищник, привыкший брать своё и диктовать свои условия. Он живёт здесь уже сотни лет и обладает властью, способной стереть любого неугодного в порошок. Не провоцируй его, не нарушай границы и, ради всех богов, не пытайся качать права, если вдруг столкнёшься с ним на дороге. Для него мы все — лишь пыль под сапогами.

— Я поняла, — Марина серьёзно кивнула, хотя внутри проснулось лёгкое раздражение от того, что кто-то считает себя вправе смотреть на других как на пыль. — Я не собираюсь искать встреч с драконами. У меня слишком много работы.

Попрощавшись с гостеприимной хозяйкой таверны, Марина вышла на залитую солнцем улицу. В кармане обнадёживающе позвякивали две золотые монеты.

Оставалось заработать шестьсот девяносто восемь крон и подготовить дом к зимовке.

Марина расправила плечи, подняла подбородок и зашагала в сторону Медового Луга, чувствуя, как по венам вместе с кровью течёт магия — живая, тёплая и готовая к работе.

ГЛАВА 4. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Обратная дорога к поместью пролегла через те же поля с

синими колосьями, но Марина почти не замечала окружающей красоты, потому что мысли её были заняты составлением плана действий. Пять дней до ярмарки — значит, нужно привести в порядок хотя бы первый этаж особняка, чтобы можно было принимать заказчиков в приличной обстановке. Подготовить образцы работ — починенные вещи, которые можно показать потенциальным клиентам. Может быть, даже смастерить какую-нибудь вывеску, хотя из чего её делать в разрушенном поместье, Марина пока представляла себе смутно.

Она настолько глубоко погрузилась в свои расчёты, что не сразу заметила, как дорога раздвоилась. Одна ветка уходила правее, к знакомым воротам Медового Луга, а вторая забирала влево, к невысоким холмам, поросшим тёмным лесом. Марина остановилась, огляделась и с досадой поняла, что свернула не туда.

Справа от дороги начинался густой смешанный лес, а слева тянулось открытое поле, за которым возвышался каменный забор — высокий, сложенный из тёсаного серого камня с такой безупречной точностью, что ни одна травинка не пробивалась между блоками. Вдалеке виднелись массивные кованые ворота с витыми столбами.

Любопытство пересилило осторожность, и Марина подошла ближе. За забором открылись ухоженные до идеально-го состояния сады с геометрически подстриженными куста-

ми, прямыми аллеями из белого гравия и мраморным фонтаном в центре, из которого поднимались тонкие струи воды. А за всем этим великолепием стоял замок — не особняк, не усадьба, а именно замок в полном значении этого слова. Трёхэтажный, с тремя остроконечными башнями, широкими стрельчатыми окнами и крышей из чёрной черепицы, блестящей на солнце как мокрый антрацит. Стены из безупречно подогнанного серого камня выглядели так, словно их выстроили вчера.

— Наверное, это и есть владения того самого лорда-дракона, — пробормотала Марина, невольно сравнивая эту холодную роскошь со своими живописными руинами.

— Именно так, — произнёс голос за её спиной, и от неожиданности Марина вскрикнула, отпрыгнув от забора и развернувшись на каблуках.

Перед ней стоял мужчина, и первое, что бросилось в глаза, — его размеры. Он был огромен — под два метра ростом, с широкими плечами и атлетичным сложением, которое угадывалось даже под безупречно скроенным чёрным сюртуком с серебряными пуговицами. Чёрные волосы до плеч были стянуты в низкий хвост на затылке, открывая лицо с резкими, точёными чертами — высокие скулы, прямой нос с горбинкой, твёрдый подбородок с едва заметной тенью щетины. Кожаные перчатки обтягивали крупные ладони, а из-под расстёгнутого ворота белоснежной рубашки виднелась силь-

ная загорелая шея.

Но самым поразительным во всём его облике были глаза — золотые, яркие, как расплавленный металл в тигле ювелира, с вертикальными щелевидными зрачками, которые не оставляли никаких сомнений в нечеловеческой природе их обладателя. Он смотрел на Марину сверху вниз, не мигая, и от этого взгляда по позвоночнику пробежал холодок — не страха, а чего-то более глубокого и первобытного, инстинктивного ощущения близости крупного хищника.

И ещё одна деталь, которую Марина отметила с запоздалым удивлением, — она не слышала его приближения. Ни шагов, ни хруста гравия, ни шороха ткани. Он появился бесшумно, как тень.

— Простите, я не хотела нарушать чужие границы, — Марина сглотнула, заставляя себя не отступать и не опускать взгляд, хотя всё внутри кричало именно об этом. — Я заблудилась на обратном пути и случайно свернула не на ту дорогу.

Мужчина окинул её медленным, тяжёлым взглядом, который скользнул от макушки до кончиков потрёпанных сандалий, задержавшись на полных бёдрах и округлых плечах ровно на секунду дольше, чем позволяли приличия. В его лице не дрогнул ни один мускул.

— Вы та самая новая владелица Медового Луга, — произнёс он, и это прозвучало не как вопрос, а как констатация

факта, не требующая подтверждения.

— Марина Светлова, — она выпрямила спину и подняла подбородок, решив, что раз уж столкновения не избежать, то трусить она точно не собирается.

— Доминик Эшфорд, — он не протянул руку для приветствия, не кивнул, не изменил позы — просто стоял, заслоняя собой половину обзора, и разглядывал её так, как опытный оценщик разглядывает товар сомнительного качества.

— Приятно познакомиться, лорд Эшфорд, — сказала Марина, стараясь, чтобы её голос звучал ровно.

— Сомневаюсь, — ответил он без малейшего намёка на улыбку. — Я пришёл не для обмена любезностями, а с предупреждением. Ваше поместье граничит с моими землями, и я намерен убедиться, что эта граница будет соблюдаться неукоснительно. Если ваши сорняки, мусор или, того хуже, какая-нибудь одичавшая живность начнут проникать на мою территорию — последствия будут исключительно вашей проблемой, и проблемой весьма серьёзной.

— У меня нет никакой живности, — Марина скрестила руки на груди, чувствуя, как раздражение начинает пересиливать первоначальную робость.

— Пока нет, — его голос был ровным и глубоким, с едва уловимой вибрацией на низких нотах, словно где-то в глубине его горла перекачивался далёкий рокот. — Но мне хорошо известно, с какой скоростью заброшенные владения превращаются в рассадник грязи и хаоса, когда за них берётся

некомпетентный хозяин.

— Я привожу дом в порядок, — Марина почувствовала, как кровь приливает к щекам, но не от смущения, а от едва сдерживаемой злости. — Работа уже начата, и я вполне справляюсь.

— Посмотрим, — он снова скользнул по ней тем самым оценивающим взглядом, задержавшись на её широких бёдрах, на полных руках, скрещённых на груди, на мягком подбородке. И в этих золотых глазах мелькнуло нечто, что Марина не смогла сразу определить — то ли презрение, то ли что-то совсем другое, тщательно замаскированное под презрение. — Трудно поверить, что это поместье, требующее мага высшего уровня, досталось... такой владелице.

— Какой именно «такой»? — переспросила Марина тихо, и в её голосе зазвенела сталь.

— Без титула, без формального магического образования, без подготовки, без опыта управления хозяйством, — он перечислял каждый пункт ровным, бесстрастным тоном, словно зачитывал список недостатков. — Простолюдинка из другого мира, которая, судя по всему, не способна управлять даже собственной жизнью, не говоря уже о поместье с двадцатилетним запущением.

В воздухе между ними повисла тяжёлая, звенящая тишина.

Марина медленно разжала руки, которые сжимались в кулаки с такой силой, что ногти оставили на ладонях белые по-

лукружья. В её памяти, как фотографическая вспышка, возникло лицо Игоря — тот же снисходительный взгляд, те же слова, обёрнутые в вежливую форму, но ранящие до кости: «Ты разжирела, ты ничего не умеешь, ты никому не нужна».

И теперь этот высокомерный дракон, который знает её ровно тридцать секунд, позволяет себе говорить то же самое?

— Знаете что, лорд Эшфорд, — Марина шагнула к нему, вынуждая себя задрать голову, чтобы смотреть ему прямо в золотые глаза, и расстояние между ними сократилось настолько, что она почувствовала исходящий от него жар — не метафорический, а самый настоящий, физический, как от раскалённой печи. — Мне абсолютно безразлично, что вы обо мне думаете. Я справлюсь. С домом, с долгами, с новой жизнью в этом мире. Без вашей помощи, без вашего одобрения и без вашего высокомерного позволения.

Одна тёмная бровь чуть приподнялась — первая трещина в его каменной невозмутимости.

— Смелые слова для женщины, у которой семьсот крон долга и тридцать дней до каторги.

— Откуда вам известно про мой долг?

— Все знают. Гербер с удовольствием обсуждает чужие несчастья за пивом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.